

Авдонин Александр Николаевич

ИНТЕРПРЕТАЦИОННО-КОЭВОЛЮЦИОННОЕ ЕДИНСТВО НАУКИ И ИСКУССТВА

В статье введены понятия комплексного реально-мысленного эксперимента и процедуры абстрагирования-идеализации, создающей теоретические термины; раскрывается интерпретационное сходство теоретической науки и искусства, его понимания; выявляется необходимость их коэволюционного единства и коэволюционного преобразования их содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 10-13. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 167/168:7.01

В статье введены понятия комплексного реально-мысленного эксперимента и процедуры абстрагирования-идеализации, создающей теоретические термины; раскрывается интерпретационное сходство теоретической науки и искусства, его понимания; выявляется необходимость их коэволюционного единства и коэволюционного преобразования их содержания.

Ключевые слова и фразы: интерпретация; абстрактно-общий тип научного знания и его объект – техническая реальность; ось разнообразия и коэволюция.

Александр Николаевич Авдонин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии
Уфимский государственный нефтяной технический университет
anavdonin@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННО-КОЭВОЛЮЦИОННОЕ ЕДИНСТВО НАУКИ И ИСКУССТВА®

В середине XX столетия английский физик, писатель и государственный деятель Ч. Сноу написал книгу «Две культуры», в которой выразил глубокое сожаление о том, что единая ранее культура раскололась на две разделенные растущим непониманием друг друга культуры: естественно-научную и художественно-гуманитарную [7]. Более того, в атмосфере общего кризиса доверия к науке этот раскол привел к лавинообразному росту легко принимаемых на веру псевдонаучных и лженаучных теорий [3], что в условиях нависших над существованием человечества глобальных угроз таит в себе дополнительную опасность. Возникает жизненно важная необходимость преодоления раскола культуры как на массовом, так и на специализированном уровне.

По нашему мнению, одним из путей решения проблемы единства науки и искусства на специализированном уровне может быть исследование феномена интерпретации. Термин «интерпретация» возник в историко-гуманитарном знании и обозначал истолкование текстов, направленное на понимание их смыслового содержания. Позднее, с появлением формализованных теоретических систем, он стал обозначать интерпретацию их понятий с помощью ссылки на эмпирические научные знания [6, с. 271-287], с другой стороны, естественно-научные эмпирические знания о реальности получают теоретическую интерпретацию. Рассмотрим особенности теоретической и художественной интерпретации на конкретном физическом и литературном материале.

Абстрактно-теоретическая интерпретация

Научное знание представляет собой совокупность мыслей, заключенную в словесно-знаковую оболочку и соответствующую познаваемой реальности. Рассмотрим процесс формирования научного знания в классической механике. В качестве примера возьмем научное воспроизведение законов движения пятилетнего малыша по ледяной горке. Для образования эмпирического знания производится *абстрагирование*, отвлечение от несущественных для этого движения сторон познаваемого объекта, создается абстрактно-общий предмет знания и законы его движения. Последовательному исключению из поля научного исследования подвергаются разнообразный интеллектуальный и душевный мир малыша, его социальная, биологическая, химическая и вся физическая, кроме данного макромеханического движения, реальность. В результате такого исключения реально существующий малыш представляется в научном знании эмпирическим термином «механическое тело». Такая же процедура последовательного абстрагирования, примененная к материальной ледяной горке, приводит к появлению эмпирического термина другого «механического тела», наклонной поверхности. Движение малыша по ледяной горке репрезентируется выражением «изменение во времени пространственного положения». Так объективно-конкретное скольжение малыша по ледяной горке описывается на эмпирическом уровне механического научного знания. Но вот проблема: никакое экспериментально-эмпирическое исследование механического движения малыша или другого реального предмета не позволяет вывести точных законов этого движения. Каждый раз получаются разные места его остановки, так как на малыша и его движение действуют разнообразные внешние причины: колебание температуры, сопротивление воздуха, трение о поверхность ледяной горки и т.д.

Логический разрыв между эмпирическим и теоретическим научным знанием был преодолен Г. Галилеем, который дополнил реальный эксперимент мысленным экспериментом. Он исследовал ускоренное движение круглого шара по наклонной, потом горизонтальной поверхности и заметил, что шар останавливается на горизонтальной поверхности из-за сил трения. Последовательное уменьшение сил трения за счет увеличения гладкости шара, наклонной и горизонтальной поверхностей приводило к последовательному увеличению расстояния, пройденного по горизонтальной поверхности шаром. Мысленное продолжение эксперимента до полного отвлечения от сил трения приводит Г. Галилея к выявлению инерциальной массы и закона инерции: сохранение телом состояния покоя или равномерного прямолинейного движения при отсутствии взаимодействия с другими телами [1, с. 203]. Следовательно, средством создания закона инерции выступает *комплексный* реально-мысленный эксперимент.

Освободиться от воздействия внешних материальных тел можно и другим способом, двигаясь не от эксперимента и его воспроизведения в эмпирическом знании, а от математики и ее конструирования в теоретическом

знании. Именно это пришлось сделать при создании второго закона Ньютона. Задача построения второго закона Ньютона заключалась в такой его формулировке, которая допускает точный математический расчет характеристик механического движения. Значит, мало было выделить немногие существенные свойства механического движения – инерциальную массу, силу и ускорение – с качественной стороны. Нужно было превратить их в параметры, внести в них количественную – числовую или точечную – структуру. С изобретением дифференциально-интегрального исчисления для математического описания неравномерных движений точечно-числовая структура параметров превращается из возможности в необходимость. Тогда необходимостью становится сведение к нулю в процедуре *идеализации* пространственных размеров механического тела, создание теоретического термина «материальная точка». Если же механическое тело не имеет размеров, то на него, по определению, не может быть разнородных воздействий, искажающих однородные математические связи параметров его движения.

Следовательно, теоретическое знание представляет собой результат *встречи* идущего от эксперимента абстрагирования с идущей от математики идеализацией. Впоследствии с помощью *комплексной* процедуры абстрагирования-идеализации были созданы теоретические термины, конструкции как физики, так и других наук.

Рассмотренные выше процедуры абстрагирования и идеализации, порождающие абстрактно-общее теоретическое знание, отделенные этими процедурами от объекта познания, вызывают вопрос: что в реальной действительности является его материальным объектом? Только не природная реальность, от которой ученые абстрагировались и отделились процедурой идеализации. Тогда что? По нашему мнению, предметом *абстрактно-общего* теоретического знания является искусственная техническая реальность, создаваемая в социально-конструктивном взаимодействии с природой и научно-математическим теоретическим знанием для удовлетворения массовых материальных потребностей людей. Именно ей соответствует теоретическая схема, в которой движение материальной точки в математически идеализированных параметрах пространства и времени полностью определяется математическими соотношениями между этими параметрами. Созданная людьми на базе такого теоретического знания «вторая природа», техника в своей металлической форме намного превосходит «первую природу» в твердости и прочности. Техника является продуктом практического выделения и обособления наиболее твердых и прочных элементов земной коры, металлов и создания из них искусственных предметов. Именно металл имеет *максимально однородные* параметры, которые позволяют максимально точно переносить в процессе деидеализации и дезабстрагирования теоретические законы на технические объекты, учитывая усредненные коэффициенты, например, трения.

С увеличением роли теоретического уровня знания развитие науки в значительной степени идет за счет математическо-теоретического создания новых теоретических терминов, конструктов и описывающих их законов с последующей их апробацией на эмпирическом и экспериментально-практическом уровнях. Свобода конструктивной математическо-теоретической деятельности, обусловленная логическим разрывом между эмпирическим и теоретическим научным знанием, привела к появлению эквивалентных альтернативных описаний одной и той же реальности. Такими описаниями являются: матричная и волновая механика, ньютоновская и пуассоновская формулировка закона тяготения, и др. Парадокс эквивалентно-альтернативных описаний возникает при их соотношении с корреспондентским пониманием истины как соответствия знания реальности. Неопозитивисты видят путь решения парадокса в отказе от объективно-реального содержания эквивалентных альтернативных теоретических описаний. Действительно, если одна теория соответствует реальности, то качественно иная теория о той же самой реальности должна в чем-то отличаться от реальности, следовательно, в этой части – не соответствовать реальности, т.е. должна быть частично ложной [9, с. 234-258]. Э. М. Чудинов выделяет два типа дивергенции теоретических описаний реальности. Первый тип теоретического описания имеет своей объективной основой качественное разнообразие материального мира и согласуется с приведенной выше процедурой абстрагирования от *разных* его аспектов. Второй тип дивергенции теоретических описаний характеризует различие между прежней и новой, более общей и фундаментальной, теорией, обнаруживает эволюционное основание их расхождения [Там же, с. 258-264].

Таким образом, абстрактно-общее эмпирическое знание получает неоднозначную теоретическую интерпретацию. Но свобода конструктивной математическо-теоретической деятельности от объективно-реальных ограничений является не абсолютной, а относительной. В конечном счете последующая эмпирическая и экспериментально-практическая деятельность с техническими материальными предметами исключает концептуально-знаковые результаты конструктивной математическо-теоретической деятельности, не соответствующие познаваемой реальности, когда созданная с ее помощью техническая мощь общества создает глобальные угрозы его существованию.

Художественная интерпретация

Население Земли не исчерпывается только числом живущих на ней людей, а включает в себя мифологических и литературных героев. Среди литературных героев наиболее знаменит Гамлет, вызвавший огромное количество уходящих в будущее истолкований. Настолько большое, что стал образцом потенциально бесконечной интерпретационной особенности художественных произведений и их героев: «Например, шекспировский Гамлет в разных исторических условиях и мировоззренческих системах интерпретировался как образ усталого скептика и воинствующего гуманиста, бесплодного мечтателя и страстного борца, эгоиста-индивидуалиста и самоотверженного правдоискателя, “дионисийского человека” и “абсурдного героя”, “бледного” меланхолика и “тучного” флегматика, безумца-маньяка и безвольного интеллектуала, фаталиста, “влюбленного в рок”, и экзистенциалиста – “любownika свободы”, “посланца смерти” и невротика, наделенного “эдиповым комплексом» [10].

В пьесе коллизия, ставящая Гамлета в центр трагедийного мира, как бы затенена Шекспиром, тогда как трагические ситуации других персонажей первого плана (Гертруды, Клавдия, Офелии, Лаэрты) вполне ясны и сохраняются на протяжении всего действия. Внешним выражением индивидуальной трагедии Гамлета становится его неспособность выполнить свой долг – отомстить убийце отца, но мотивация этой неспособности скрыта от зрителя.

Для решения этой герменевтической проблемы в литературоведении были выдвинуты интерпретации «слабого» и «сильного» Гамлета. Все многообразие трактовок Гамлета располагается на смежных полюсах разнообразия между этими противоположными полюсами, которые *ограничивают* поле возможных интерпретаций Гамлета в этом аспекте. Интерпретации конкретных исследователей оказываются на той или иной половине оси разнообразия, на том или ином расстоянии от названных полюсов. Интерпретация «слабого Гамлета» предложена И. В. Гете и братьями А. и В. Шлегелями. Великие немецкие мыслители исходили из того, что ключевая фраза в роли Гамлета – «Так трусами нас делает сознание». Согласно этой теории, Гамлет – человек сильного интеллекта, но слабой воли, способный предвидеть последствия своих поступков, знание о которых парализует его решимость. Неспособность к действию вызывает у Гамлета презрение к себе, увеличивающее его слабость. Он ясно осознает невозможность разорвать этот круг, и его холодное отчаяние выплескивается в жестокой язвительности и безысходной меланхолии. В этом случае трагедию Гамлета можно понимать как потерю внутреннего единства личности, расколотой дуализмом воли и сознания.

Другая полярная интерпретация, полемизирующая с интерпретацией И. В. Гете, А. и В. Шлегелей, принадлежит А. А. Аниксту, с которым отчасти был согласен и Л. Е. Пинский. Это теория «сильного Гамлета» (или «Гамлета-борца»). Авторы считают ключевой для понимания трагедии Гамлета фразу: «Распалась связь времен / Зачем же я скрепить ее рожден?». Согласно этой интерпретации, Гамлет, подобно персонажам хроник, живет на переломе времен: уходит эпоха, воплощенная в старом короле, с ее культом доблести и человеческого достоинства, и наступает эпоха короля Клавдия – с «государственным лицемерием», подозрительностью и сервиллизмом. По мнению авторов этой версии, Гамлет понимает историческую неизбежность подобной перемены, но не может смириться с ней. Он не уклоняется от безнадежного для него противостояния ходу исторического Времени, но, как мыслитель и гуманист, тяготится ожесточенностью противоборства и необходимостью жертв. Эти колебания ослабляют его решимость, но не уничтожают ее. В интерпретации А. А. Аникста трагедия Гамлета становится трагедией стоического героизма, принимающего неизбежность поражения, но продолжающего борьбу с превосходящей его силой обстоятельств.

Существование интерпретаций «слабого» и «сильного» Гамлета подтверждается как историческим анализом мнений шекспироведов, так и театральными, кинематографическими интерпретациями образа Гамлета в России и за рубежом. Возникает вопрос: чем определяется полярное разнообразие интерпретаций Гамлета? Для ответа на этот вопрос обратимся к театральнo-кинематографическому уровню интерпретаций Гамлета, меняющихся в зависимости от состояния конкретно-исторической обстановки. Интерпретация «слабого» Гамлета появляется в 1776 году на сцене Гамбургского театра в исполнении И.-Ф. Брокмана. Такая интерпретация образа Гамлета была обусловлена не только предромантическими настроениями режиссера Ф.-Л. Шредера, но и пессимистической атмосферой, царившей в среде интеллигенции феодальной и политически раздробленной Германии. Романтическая интерпретация «слабого» Гамлета наложила сильнейший отпечаток на его театральные интерпретации всего XIX столетия. В России при анализе В. Г. Белинским игры П. С. Мочалова (1838 г.) появляются первые ростки «сильного» интерпретации Гамлета: слабость воли героя шекспировской трагедии расценивалась как один из моментов духовного развития Гамлета – человека, сильного от природы. На протяжении XX столетия в связи с глобальными социально-социальными и социально-природными катастрофами все более и более преобладает «сильная» трактовка Гамлета [5]. Таким образом, на движение интерпретаций в «пространстве» между «сильным» и «слабым» Гамлетом важное влияние оказывают внешние по отношению к искусству социально-исторические причины.

Художественная и абстрактно-теоретическая интерпретация

Мы обнаружили, что сходство между театральным искусством, его пониманием, и пониманием естественно-научной теории состоит в множественности интерпретаций. Различие же состоит в том, что многообразие художественных интерпретаций располагается на смежных полюсах внутренне-внешнего, интерналистско-экстерналистского разнообразия между противоположными полюсами, которые *ограничивают* поле возможных интерпретаций, а множественность указанных выше теоретических эквивалентно-альтернативных интерпретаций в конечном счете ограничивается эмпирической и экспериментально-практической деятельностью, соответствием познаваемой реальности. Постигание художественной сферы деятельности характеризуют два полюса: внутреннего ее понимания – «искусство для искусства» и внешнего понимания – «искусства для общества». Интерналистская позиция на первый план выдвигает проблемы художественной формы, эстетических качеств деятельности и ее произведений; экстерналистская позиция – проблемы их художественного содержания, обусловленного социальными проблемами общественной жизни и необходимостью их решения. Отрицательные стороны обеих крайностей проанализированы Ф. М. Достоевским. Акцент только на художественной форме приводит художника к догматическо-стилевому эпилонству, а чрезмерная зависимость от социальных проблем, как им же верно отмечено, – к выпадению художественного произведения за пределы искусства [4, с. 65-91], поэтому необходимо говорить о дополнительности, комплементарности интерналистского и экстерналистского понимания искусства.

До середины XX в. в философии науки господствовало интерналистски ориентированное понимание существования и развития научного познания. Интернализм рассматривает в качестве основной движущей

силы развития науки внутренние факторы: описание собственно познавательных процессов, связанную с объектом познания объективную логику возникновения и решения проблем [8, с. 169]. Выше нами были рассмотрены интерналистские эмпирические (абстрагирование) и теоретические (идеализация) процедуры создания научного знания, неосознанно *подменившие* в локальных познавательных актах «первоприродный», объективный объект абстрактно-общего естественно-научного познания «второприродным», сначала односторонне механическим, техническим, а затем и другими предметами познания. Подмена была вызвана впечатляющими локальными успехами его практическо-материальной реализации по преобразованию «первой», природно-объективной реальности. А вот в глобальном плане абстрактно-общее естественно-научное знание и его развитие стали реальностью только с бурным формированием *экстерналистских* капиталистических производственных отношений, когда в нем и основанной на нем технике заинтересовалась идущая к господству социальная группа. В конце XIX – первой половине XX века произошло превращение науки в социальный институт, оказывающий существенное влияние не только на технику, но и на общество.

Во второй половине XX столетия на смену интерналистской концепции научного познания пришла экстерналистская концепция. Экстернализм, в противоположность интернализму, полагает, что основной задачей философского изучения науки является реконструкция социокультурных условий и ориентиров научной деятельности, которые выступают в качестве фактора, непосредственно определяющего динамику науки – структуру получаемого знания, его характер и направление дальнейшего развития [Там же, с. 513]. Наука становится социокультурным феноменом. Д. Блур даже полагает, что социология знания объясняет содержание как истинного, так и ложного знания из его социальных и культурных причин [2, с. 166].

Вместе с тем связанное с абстрактно-общим типом научного знания развитие массового промышленного производства, достигнув планетарных масштабов, породило глобальные экологические проблемы-угрозы существованию человечества. В этих условиях чрезмерное преобладание социально-экстерналистской концепции научно-теоретического знания и современной художественной деятельности, ее осмысления в философии постмодерна приводит к *опасному отрыву* от «первоприродной», объективной реальности. Она же, в свою очередь, напоминает о себе разрушительными природными явлениями, с которыми не может справиться современная техника, более того, техника лишь увеличивает масштаб происходящих катастроф, как это недавно произошло в Японии, где к землетрясению и цунами прибавилось радиоактивное загрязнение окружающей местности от поврежденных атомных электростанций.

Следовательно, возникает жизненно важная необходимость ввести жесткие коэволюционные ограничения на социальную, техническую, абстрактно-научную и художественную деятельность, их результаты и интерпретации. Возникает жизненно важная потребность в создании коэволюционного единства социальной, научной, технической и художественной деятельности; потребность в создании коэволюционного мировоззрения, естественно-научных знаний и убеждений, формируемых с помощью выразительной, захватывающей чувственно-волевою сферу всех землян художественной формы. Иначе исчезнет и та, и другая, и третья, и четвертая деятельность вместе с результатами, их интерпретациями и самими людьми. Итак, к интерпретационному сродству теоретической науки и искусства добавляется необходимость их коэволюционного *единства*.

Список литературы

1. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента. М., 1976. 292 с.
2. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6. С. 162-185.
3. Губайловский В. А. Две культуры - 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Dwe-kul-tury-2> (дата обращения: 18.12.2007).
4. Достоевский Ф. М. О русской литературе. М., 1987. 399 с.
5. Коробкова М. К. Проблемы интерпретации трагедии У. Шекспира «Гамлет» [Электронный ресурс]: дипломная работа. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-172879.html> (дата обращения: 01.02.2009).
6. Микешина Л. А. Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон; РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
7. Сноу Ч. П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973. 143 с.
8. Современная западная философия: словарь. М.: ТОН-Остожье, 2000. 544 с.
9. Чудинов Э. М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.
10. Эпштейн М. Н. Интерпретация [Электронный ресурс] // Краткая литературная энциклопедия. 1978. Т. 9. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke9/ke9-3302.html>

INTERPRETIVE AND CO-EVOLUTIONARY UNITY OF SCIENCE AND ART

Aleksandr Nikolaevich Avdonin, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Ufa State Oil Technical University
anavdonin@mail.ru

The author introduces the notions of complex real-mental experiment and abstraction-idealization procedure, which creates theoretical terms, determines the interpretative similarity of theoretical science and art, its understanding, and reveals the necessity of their co-evolutionary unity and the co-evolutionary transformation of their content.

Key words and phrases: interpretation; abstract-general type of scientific knowledge and its object - technical reality; axis of diversity and co-evolution.